

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС МЕСТОИМЕНИЙ-ЧАСТИЦ
В СИСТЕМЕ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

О.Н. Смирнов

Аннотация. Статья посвящена описанию периферийной зоны частиц местоименного происхождения. Местоимения-частицы рассмотрены как гибридные слова местоименного происхождения: с одной стороны, как слова, имеющие признаки местоимений разных лексико-грамматических разрядов; с другой стороны, как слова с десемантизированной природой, способные эксплицитно выражать субъективную модальность. Осуществлена попытка разграничения собственно частиц и местоимений-частиц. Представлены примеры, в которых нельзя однозначно определить частеречную принадлежность слов в связи с незавершённым процессом перехода. Грамматически и семантически проанализированы конструкции, содержащие исследуемые единицы гибридной (синкретичной) природы.

Ключевые слова: переходные явления, местоимения-частицы, местоимения, частицы, слова-гибриды, гибридизация.

Для цитирования: Смирнов О.Н. Грамматический статус местоимений-частиц в системе служебных слов русского языка // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 472–482. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-472-482

GRAMMATICAL STATUS OF PARTICLE PRONOUNS IN THE SYSTEM
OF SERVICE WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

472

O.N. Smirnov

Abstract. The article deals with the description of the peripheral zone of pronominal particles. The pronominal particles are considered as hybrid words of pronoun origin: on the one hand, as words having the features of pronouns of different lexical-grammatical classes; on the other hand, as words with a desemantized nature, capable of expressing subjective modality. An attempt is made to distinguish between actual particles and pronominal particles. Examples are presented in which the particle belonging of words cannot be unambiguously determined due to the incomplete transition process. The constructions containing the studied units of hybrid (syncretic) nature are grammatically and semantically analyzed.

© Смирнов О.Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *transitional phenomena, pronominal particles, pronouns, particles, words-hybrids, hybridization.*

Cite as: Smirnov O.N. Grammatical Status of Particle Pronouns in the System of Service Words in the Russian Language. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 1, part 2, pp. 472–482. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-472-482

Актуальность данной работы заключается в том, что переходные единицы местоимения-частицы подвергнуты описанию и анализу в составе предложений-высказываний. Это подтвердит мысль о существовании переходных явлений в грамматической системе русского языка. В процессе работы над статьёй были поставлены следующие **задачи:** во-первых, проанализировать имеющуюся лингвистическую литературу по теме исследования; во-вторых, собрать языковой материал и проанализировать его; в-третьих, обобщить результаты анализа. Для достижения данных задач мы пользовались следующими **методами:** *методом субституции* (подстановки) для прояснения значений слов; *методом дистрибутивного анализа* (анализа окружения) для прояснения функции языковых единиц в предложениях-высказываниях.

Явление перехода языковых единиц из одного класса в другой изучается давно. В разное время этим занимались отечественные и зарубежные лингвисты Н.И. Греч (1827) [1], А.Х. Востоков (1831) [2], Г.П. Павский (1842) [3], Ф.И. Буслаев (1858) [4], А.А. Потебня (1862) [5], А.М. Пешковский (1920) [6], А.А. Шахматов (1925) [7], А.С. Бедняков (1941) [8], В.В. Виноградов (1947) [9], Л.В. Щерба (1957) [10], А.И. Смирницкий (1954) [11], Е.Н. Сидоренко (1993) [12], В.В. Бабайцева (2000) [13], П.А. Лекант (2007) [14], С.М. Колесникова (2014, 2022) [15; 16], Ш. Балли (1955) [17], Л. Теньер (1953) [18]. Их основная заслуга в изучении переходности заключается в описании явлений переходности в системе языка и, в частности, в системе частей речи: были исследованы условия перехода (изменение синтаксической функции и потеря типичного окружения, расширение функции и прагматики слов) и дана шкала перехода (см. В.В. Бабайцева, 2000), в которой отражены детальное и пошаговое перемещение слов из одного класса в другой.

Последние десятилетия активизировались процессы перехода языковых единиц из одного лексико-грамматического класса в другой. Поскольку сам переход не происходит мгновенно, границы между классами языковых единиц утрачивают непрозрачность и характеризуются большой подвижностью. Нередко в процесс перехода включены промежуточные этапы между контрольными точками, когда языковая единица не обладает полным набором дифференциальных признаков. Сами контрольные точки отличаются тем, что языковые единицы обладают в них полным набором дифференциальных признаков. Эти промежуточные этапы весьма интересны и показательны для исследования: во-первых, можно отчётливее понять механизмы перехода (десемантизации и грамматикализации); во-вторых, можно рассмотреть приобретённый функционал языковой единицы, который сопровождает переход (в частности, дополнительные оттенки значения: он сделал *так* — он сделал *так* хорошо); в-третьих, можно уточнять семный состав семем слов при переходе и грамматическое функционирование

языковых единиц, которые наслаиваются или исчезают (усиливаются или ослабевают); в-четвёртых, более ясными представляются сами границы и дифференциальные признаки языковых единиц и их классов (например, тысяча, миллион — имя существительное или имя числительное).

Один из языковых ярусов, в которых можно отметить переходные явления, — это грамматика современного русского языка. Для обозначения перехода существует достаточно много терминов: в работе Т.С. Винниковой-Закутней рассмотрены 123 термина для обозначения транспозиции (переходных явлений внутри частеречной системы) [19, с. 55–67]. Исследователь объединяет их в 10 групп в зависимости от ключевого слова в названии термина. Стоит сказать, что в нашей работе мы будем пользоваться термином «переход» и его производным «переходный» (переходное явление, переходная языковая единица).

Известно, что до сих пор не установлен точный состав частиц. Лексикографические источники содержат разные сведения о количественном составе частиц современного русского языка: словарь под редакцией Д.Н. Ушакова фиксирует 84 частицы, Словарь современного русского литературного языка (БАС — Большой академический словарь) фиксирует 131 частицу; Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС — Малый академический словарь) фиксирует 110 частиц; Словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова фиксирует 75 частиц; список частиц и частицеподобных элементов, представленный в докторской диссертации Е.А. Стародумовой (1996) [20] насчитывает более 300 единиц. Эти данные убеждают, что словарный состав этой части речи пока точно не определён, меняется и уточняется; мы будем испытывать большие трудности, потому что переход из слов других частей речи в частицы может происходить в *живом потоке речи, во время говорения*.

Достаточно большое количество учёных определяет класс частиц как особый разряд слов. С.М. Колесникова даёт следующее определение частицы: «...Неизменяемая часть речи, служащая для придания различных дополнительных смысловых значений (модальных, эмоциональных, экспрессивных и проч.) словам, с которыми она сочетается, словосочетаниям, предложениям в тексте, в которых употребляется, а также участвующая в формообразовании и выражающая **отношение к действительности или сообщаемому**» [21, с. 66] (выделения наши — О. С.). Как мы видим, основная функция частицы — это придание смысловых значений. Значит, чтобы признать частицей языковую единицу, нужно проанализировать её значение и доказать, что она вносит именно дополнительное значение, а не основное. Для этого необходимо применить метод *субституции* (подстановки) для прояснения дополнительного значения. Иногда приходится *изъять* языковую единицу из предложения-высказывания, чтобы определить то значение, которое она вносит.

Особенность этого класса слов (частиц) объясняется рядом объективных причин: во-первых, частицы не имеют формального единства; во-вторых, не всегда можно определить однозначно, где полноценное значение, а где его оттенок; в-третьих, частицы не имеют строгой позиции в предложении, что даёт основание изучать функции частиц в соотношении со словами и целыми структурными схемами, к которым они относятся (показательно в этом отношении предложение «о воз-

возможности распределения частиц в рамках структурно-семантического класса служебных слов по нескольким частям речи») [22, с. 563]; в четвертых, именно в высказывании средствами языка выражается отношение говорящего к внеязыковой действительности [23, с. 104–105]. Учёные приходят к выводу, что «эта идея заслуживает самого пристального внимания [там же]. В этой связи становится важным обращение к исследованию перехода знаменательных частей речи в частицы. С.И. Богданов, показывая связь местоименных и служебных слов, пишет: «...Многofункциональные служебные слова в морфологическом отношении (в частности, в плане организации экспонента) существенно отличаются от знаменательных слов и морфологически служебных слов (предлогов), но в то же время обнаруживают общие черты с организацией местоименных слов» [24, с. 558–559].

Для выделения отличительных признаков частиц обратимся к словарям и академическим учебникам. Например, Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова определяют частицу как «разряд служебных слов, придающих дополнительные смысловые или эмоциональные оттенки предложениям и отдельным словам» [25, с. 387]; И.Г. Милославский, понимая, что этот класс слов трудно поддаётся систематизации и описанию, отмечает: «Это такая служебная часть речи, не является ни союзом, ни предлогом» [26, с. 602]. Далее учёный, исследуя существующие определения, не исчерпывающие всех значений частиц, резюмирует, что такое определение характеризует частицы «негативно» и не является «работающим», поскольку с выделением модальных слов, а также слов вне частей речи объём служебных слов может определяться по-разному [там же]; С.М. Колесникова отмечает, что реализация значений языковых единиц **«всегда зависит от речевой ситуации и коммуникативной установки (цели)**. Частицы являются не только «выразителями» модальности, эмоциональности, экспрессивности, но и своеобразными «операторами» значений, индикаторами изменений, происходящих на лексическом, грамматическом, синтаксическом и стилистическом ярусах текста. В силу «условности» границ и для достижения коммуникативной цели частицы разных разрядов становятся, например, показателями градуальной и оценочной семантики... Градуальная функция свойственна частицам разных разрядов и сводится к **усилению (выделению)** значения **признака** того слова, с которым частица употребляется» [15, с. 71–72].

В виде промежуточного вывода отметим, что до сих пор не выведено однозначное определение частицы, признаваемое всеми учёными. Для подтверждения нашей мысли приведём высказывание И.Г. Милославского: «Особое внимание следует уделить разграничению частиц и словосочетаний с частицами, с одной стороны, и омонимичных языковых единиц, принадлежащих к другим частям речи, — с другой» [26, с. 603]. Эта мысль учёного позволяет сделать вывод о том, что есть *ядерная* и *периферийная* зоны частиц. К *ядерной* зоне, по нашему мнению, стоит отнести первообразные частицы и комплексы первообразных частиц (*же, вот, ни, не, ли, де, ка, даже, лишь, только, небось, дескать, мол* и др.). *Приядерная (околоядерная)* зона включает слова, образованные путём конверсии (партикуляции): *прямо, просто*. К *периферийной* зоне относятся все остальные образования: *частицы-союзы (союзы-частицы), частицы-наречия, частицы-междометия, местоимения-частицы* и слово *один*.

Частицы-союзы совмещают различные модальные значения со значениями связующих слов [27, с. 422]. *Частицы-наречия* совмещают значение усиления со значениями указательным, количественным, качественно-характеризующим [там же]. *Частицы-междометия* совмещают значения экспрессивной оценки, эмоционального отношения к сообщаемому и качества, характерные для междометий: выражение чувств и ощущений [там же, с. 422–423]. *Местоимения-частицы* совмещают значения усиления, акцентирования, экспликацию субъективной модальности и указательную функцию, характерную для местоимений. Слово *один* выполняет функцию частицы, несмотря на способность употребляться в падежных формах, что противоречит одному из главных свойств остальных частиц — неизменяемости. Это наталкивает учёных на мысль, что частица — это не слово, а только его *функция*. Г.И. Панова, представляя свойства частиц, приходит к выводу, что «более или менее периферийную сферу частиц представляют синкретичные языковые единицы, совмещающие и одновременно проявляющие свойство частицы и другого семантико-функционального класса» [28, с. 404]. В качестве примера учёный приводит следующие предложения: Почему *это* он не пришёл? Вот как *оно* бывает! [там же, с. 405]. *Курсивом* выделены слова, совмещающие значения местоимения и частицы. Проанализируем эти предложения, в составе которых есть гибридные слова (совмещающие свойства слов разных частей речи) — местоимения-частицы.

В двусоставном вопросительном предложении *Почему это он не пришёл?* слово *это* совмещает значение акцентуации, подчёркивания местоименного подлежащего *он* (= «именно»), в то же время имеет указательное значение (= «именно он, а не кто-либо другой»). Значение синонимизируется со значением другого указательного местоимения — *этот*: Почему *этот* человек не пришёл? Анализируя словарное значение для этого примера, приходим к выводу, что вернее всего это значение близко ко второму значению, представленному в Словаре русского языка: «2. Усиливает значение предшествующего ей местоимения или наречия в составе вопросительных местоимений» [29, с. 770]. Обратим внимание на частеречную принадлежность этого слова, предлагаемую словарём — частица. Мы не можем полностью согласиться с этим. Мы считаем, что в данном случае имеет место именно совмещение значений указания и акцентуации, что было прокомментировано выше. Попробуем изъять эту единицу из предложения. При выполнении этой процедуры становится понятно, что слово *это* вносило эмоциональное значение, которое можно охарактеризовать как возмущение или иронию. Посмотрим, составляет ли местоимение-частица *это* с вопросительным словом комбинацию с повторяющимся значением: *Почему это он не пришёл? Как это не будет воды? Что это Вы сказали?* Предположим, что в подобных конструкциях «вопросительное слово + это» эксплицирует эмоциональность высказывания, при этом слово *это* сохраняет некоторое значение указания.

Предложение *Вот как оно бывает!* является двусоставным восклицательным. Подлежащее *оно*, с одной стороны, имеет типичное местоименное значение указания (синонимизируется с местоимением *это*) и, с другой стороны, имеет оттенок акцентуации и усиления. Этот оттенок поддерживается указательной частицей *вот* и показателем градуальности *как*. Особенностью этого примера является то, что в слове *оно* совме-

щены и значение указания и некоторое усиление собственного значения. Анализируя словарное значение в этом примере, приходим к выводу, что вернее всего это значение близко ко второму значению, представленному в Словаре русского языка: «2. В сочетании с частицей «вот» приобретает указательный характер» [30, с. 619]. Заметим, что в словаре использована формулировка «в значении местоимения». Видимо, авторы словаря учитывали, что в этом значении могут совмещаться значения и функции нескольких частей речи.

Рассмотрим предложение *Уж сколько раз твердили миру, что лень гнусна, вредна; но только всё не впрок, и в сердце льстец всегда отыщет уголок* (И. А. Крылов. Ворона и Лисица). В третьей предикативной части *но только всё не впрок*, которая эквивалентна по структуре простому двусоставному предложению, слово **всё** имеет признаки частицы и местоимения: с одной стороны, **всё** является местоименным подлежащим с обобщающим значением того, что сказано перед этим (синонимизируется с местоимением *это*); с другой стороны, **всё** имеет значение усиления и подчёркивания. Словарь русского языка фиксирует это значение: «а) в сочетании с указательно-определятельными местоимениями и наречиями для усиления, подчёркивания их значения» [31, с. 228]. Особенность этого примера в том, что подлежащее **всё** подчёркивает составное именное сказуемое, представленное наречием и нулевой связкой. Стоит обратить внимание, что в данном примере наличествует эмоциональная оценка высказывания, передаваемая словом *всё*, что поддержано самой жанровой характеристикой этого текста. Это басня, которой присуща назидательность и простота повествовательного ряда.

В предложении-высказывании *Вот что вы делаете с детьми! — сказала Тося хозяйке* [32, с. 109] форма **что** является вопросительным словом и проявляет признаки прямого дополнения: к форме можно поставить логический вопрос (что?), слово употребляется с переходной глагольной формой *делаете* и заменяема на существительное второго академического склонения (что — песню). С другой стороны, *что* выделяется интонационно. Словарь русского языка отмечает, что это слово может употребляться «с частицами и местоимениями для усиления вопроса, для указания на то, о чём спрашивают» [33, с. 685].

Обобщим результаты анализа. Во всех указанных примерах местоименные формы обладают оттенком подчёркивания, усиления, акцентуации. С. М. Колесникова, анализируя градуальное значение местоименных слов, приходит к следующей мысли: «Градуальное значение местоименные слова приобретают за счёт функции предиката, способа производности и контекста. Употребление местоименных слов в градуальном значении обеспечивает взаимодействие лексики и синтаксиса в поле градуальности. Словарные дефиниции местоименных слов свидетельствуют о наличии в их семантической структуре градосем, показывающих изменение семантического состава <...> *Он такой силач!* (местоимение-частица)» [16, с. 109]. Учёный приходит к заключению, что «местоименные слова выполняют градуальную функцию в русском языке» [там же, с. 110].

Наличие оттенка указания, подчёркивания и иногда усиления чрезвычайно важно для местоимений-частиц. Класс местоимений-частиц находится в периферийной зоне

частиц и пополняется местоименными словами: некоторыми формами слова *весь*, некоторыми формами слов *сам* и *самый*, словами *так* и формами слова *такой*, некоторыми формами слова *этот*, формами неопределённых местоимений. Как мы видим, перечисленные слова имеют указательное и определительное значения (также способны принимать качественно-характеризующее значение более или менее эксплицированное), что позволяет им быстрее осуществить переход из местоимений (не полностью знаменательной части речи) в периферийную зону частиц.

Исходя из представленного анализа, можно выделить несколько этапов (операций), которые, по нашему мнению, помогают отделить собственно местоименные слова и местоимения-частицы. Во-первых, проанализировать синтаксическую функцию исследуемого слова: и местоимения, и местоимения-частицы могут выполнять функции членов предложения. Во-вторых, проанализировать семантику слов: местоимения содержат только указательное значение (без акцентуации, подчёркивания, усиления), собственно местоимения не могут быть заменены частицами без потери смысла. В-третьих, исследовать форму слов: местоимения более склонны к формоизменению, чем местоимения-частицы.

Таким образом, можно сделать вывод, что периферийная зона частиц весьма интересна для лингвистического исследования и представляет собой пополняемые и иногда пересекающиеся группы слов. Местоимения-частицы — та часть периферийной зоны частиц, которая до этого не подвергалась специальному, всестороннему анализу. В нашей работе мы предложили несколько критериев, по которым можно установить частеречную принадлежность слов, получающих в лингвистической литературе и лексикографических источниках неоднозначную квалификацию.

Местоимения-частицы представляют собой пополняемую группу слов местоименного происхождения с незавершившимся процессом десемантизации — утратой лексического значения. Незавершившийся процесс десемантизации привёл к тому, что слова сохраняют значение обобщения, указания. Часто местоименные слова, переходящие в класс частиц, передают эмоциональное значение и эмоциональную оценку. Слова местоименного происхождения имеют больше шансов перейти в класс служебных частей речи, поскольку обладают максимально обобщённой семантикой без конкретного номинативного значения вне контекста или вне речевой ситуации. Местоимения-частицы выполняют синтаксическую функцию, характерную для знаменательных слов, при этом эксплицируют субъективную модальность: отношение говорящего к действительности или сообщаемому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Греч, Н.И.* Практическая русская грамматика. СПб.: Императорская типография Санкт-Петербургского воспитательного дома, 1827. 588 с.
2. *Востоков, А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же грамматике полнее изложенная. СПб., 1831. 496 с.
3. *Павский, Г.П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Об именах существительных. М.: Либроком, 2012. 376 с.

4. *Буслаев, Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
5. *Потебня, А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
6. *Пешковский, А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
7. *Шахматов, А.А.* Синтаксис русского языка. М.: УРСС, 2001. 624 с.
8. *Бедняков, А.С.* Явления переходности грамматических категорий в современном русском языке // Русский язык в школе. 1941. № 3. С. 28–31.
9. *Виноградов, В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Русский язык, 1972. 614 с.
10. *Щерба, Л.В.* Избранные работы по русскому языку // О частях речи в русском языке. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.
11. *Смирницкий, А.И.* По поводу конверсии в английском языке // Иностранные языки в школе. 1954. № 3. С. 12–24.
12. *Сидоренко, Е.Н.* Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов. Симферополь, 1993. 94 с.
13. *Бабайцева, В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
14. *Лекант, П.А.* Грамматические категории слова и предложения. М.: МГОУ, 2007. 215 с.
15. *Колесникова, С.М.* Русские частицы: семантика, грамматика, функции. М.: Флинта, 2014. 110 с.
16. *Колесникова, С.М.* Современный русский язык. Морфология: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 297 с.
17. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.
18. *Теньер, Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
19. *Винникова-Закутняя, Т.С.* Транспозиция и трансонимизация в русском языке XIX — начала XXI века в речевой деятельности и лингвистических исследованиях: дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 2018.
20. *Стародумова, Е.А.* Русские частицы: письменная монологическая речь: дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 1996. 446 с.
21. *Колесникова, С.М.* Частицы как часть речи (к вопросу о значении и разрядах по строению и функциям) // Русский язык в школе. 2012. № 7. С. 65–72.
22. *Лекант, П.А., Касаткин, Л.Л., Клобуков, Е.В.* Современный русский литературный язык: учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. П.А. Леканта. М.: АСТ-Пресс, 2013. 766 с.
23. *Лекант, П.А.* Синтаксис простого предложения. М.: Высшая школа, 1986. 175 с.
24. *Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 339 с.
25. *Богданов, С.И., Евтюхин, В.Б., Князев, Ю.П. и др.* Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений. СПб.: СПбГУ, 2013. 640 с.
26. *Белашапкова, В.А., Брызгунова, Е.А., Земская, Е.А. и др.* Современный русский язык: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В.А. Белашапковой. М.: Азбуковник, 1999. 928 с.
27. *Аникина, А.Б., Бельчиков, Ю.А., Вакуров, В.Н. и др.* Современный русский язык: лексика и фразеология. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учебник для вузов / под ред. Д.Э. Розенталя. М.: Высшая школа, 1984. 735 с.

28. Панова, Г.И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: Ленанд, 2014. 448 с.
29. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
30. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. М.: Русский язык, 1988. 736 с.
31. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. 702 с.
32. Васильева, А.Н. Частицы разговорной речи. М.: Московский университет, 1964. 186 с.
33. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. М.: Русский язык, 1999. 800 с.

REFERENCES

1. Grech, N.I. *Prakticheskaya russkaya grammatika* [Practical Russian Grammar]. St. Petersburg, Imperatorskaya tipografiya Sankt-Peterburgskogo vospitatelnogo doma, 1827, 588 p. (in Russ.)
2. Vostokov, A.H. *Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe grammatiki polnee izlozhennaya* [The Russian Grammar of Alexander Vostokov, According to the Outline of His Own Grammar, More Fully Outlined]. St. Petersburg, 1831, 496 p. (in Russ.)
3. Pavskij, G.P. *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka. Rassuzhdenie vtoroe. Ob imenah sushchestvitelnyh* [Philological Observations on the Composition of the Russian Language. The Second Argument. About Nouns]. Moscow, Librokom, 2012, 376 p. (in Russ.)
4. Buslaev, F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, 623 p. (in Russ.)
5. Potebnya, A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 1–2* [From Notes on Russian Grammar, vol. 1–2]. Moscow, Uchpedgiz, 1958, 536 p. (in Russ.)
6. Peshkovskij, A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2001, 544 p. (in Russ.)
7. Shahmatov, A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Moscow, URSS, 2001, 624 p. (in Russ.)
8. Bednyakov, A.S. *Yavleniya perekhodnosti grammaticheskikh kategorij v sovremennom russkom yazyke* [Phenomena of Transitivity of Grammatical Categories in the Modern Russian Language], *Russkij yazyk v shkole* = Russian Language at School, 1941, No. 3, pp. 28–31. (in Russ.)
9. Vinogradov, V.V. *Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. Grammatical Teaching about the Word]. Moscow, Russkij yazyk, 1972, 614 p. (in Russ.)
10. Shcherba, L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. In: *O chastyah rechi v russkom yazyke* [On Parts of Speech in Russian]. Moscow, Uchpedgiz, 1957, pp. 63–84. (in Russ.)
11. Smirnickij, A.I. *Po povodu konversii v anglijskom yazyke* [About Conversion in English], *Inostrannye yazyki v shkole* = Foreign Languages at School, 1954, No. 3, pp. 12–24. (in Russ.)
12. Sidorenko, E.N. *Diahronnyj i sinhronnyj aspekty perekhodnosti v sisteme chastej rechi i kontaminantov* [Diachronic and Synchronous Aspects of Transitivity in the System of Parts of Speech and Contaminants]. Simferopol, 1993, 94 p. (in Russ.)
13. Babajceva, V.V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of Transitivity in the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Drofa, 2000, 640 p. (in Russ.)

14. Lekant, P.A. *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [Grammatical Categories of Words And Sentences]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2007, 215 p. (in Russ.)
15. Kolesnikova, S.M. *Russkie chasticy: semantika, grammatika, funkcii* [Russian Particles: Semantics, Grammar, Functions]. Moscow, Flinta, 2014, 110 p. (in Russ.)
16. Kolesnikova, S.M. *Sovremennyj russkij yazyk. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphology: A Textbook for Universities]. Moscow, Yurajt, 2022, 297 p. (in Russ.)
17. Balli, Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, Inostrannaya literatura, 1955, 416 p. (in Russ.)
18. Tener, L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of Structural Syntax]. Moscow, Progress, 1988, 656 p. (in Russ.)
19. Vinnikova-Zakutnyaya, T.S. *Transpoziciya i transonimizaciya v russkom yazyke XIX – nachala XXI veka v rechevoj deyatel'nosti i lingvisticheskikh issledovaniyah* [Transposition and Transonymization in the Russian Language of the XIX – Early XXI Century in Speech Activity and Linguistic Research]: PhD Dissertation (Philology). Doneck, 2018. (in Russ.)
20. Starodumova, E.A. *Russkie chasticy: pismennaya monologicheskaya rech* [Russian Particles: Written Monologue]: ScD Dissertation (Philology). Vladivostok, 1996, 446 p. (in Russ.)
21. Kolesnikova, S.M. *Chasticy kak chast rechi (k voprosu o znachenii i razryadah po stroeniyu i funkciyam)* [Particles as Part of Speech (On the Question of Meaning and Categories in Structure and Functions)], *Russkij yazyk v shkole* = Russian Language at School, 2012, No. 7, pp. 65–72. (in Russ.)
22. Lekant, P.A., Kasatkin, L.L., Klobukov, E.V. *Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk* [Modern Russian Literary Language: Textbook for Students of Higher Educational Institutions], ed. by P.A. Lekant. Moscow, AST-Press, 2013, 766 p. (in Russ.)
23. Lekant, P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniya* [Syntax of a Simple Sentence]. Moscow, Vysshaya shkola, 1986, 175 p. (in Russ.)
24. Rozental, D.E., Telenkova, M.A. *Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms: A Teacher's Manual]. Moscow, Prosveshchenie, 1985, 339 p. (in Russ.)
25. Bogdanov, S.I., Evtyuhin, V.B., Knyazev, Yu.P. i dr. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Morphology of the Modern Russian Language: Textbook for Higher Educational Institutions]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2013, 640 p. (in Russ.)
26. Beloshapkova, V.A., Bryzgunova, E.A., Zemskaya, E.A. i dr. *Sovremennyj russkij yazyk* [Modern Russian: A Textbook for Students], ed. by V.A. Beloshapkova. Moscow, Azbukovnik, 1999, 928 p. (in Russ.)
27. Anikina, A.B., Belchikov, Yu.A., Vakurov, V.N. i dr. *Sovremennyj russkij yazyk: leksika i frazeologiya. Fonetika i orfoepiya. Grafika i orfografiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis* [Modern Russian Language: Vocabulary and Phraseology. Phonetics and Orthoepy. Graphics and Spelling. Word Formation. Morphology. Syntax: Textbook for Universities], ed. by D.E. Rosenthal. Moscow, Vysshaya shkola, 1984, 735 p. (in Russ.)
28. Panova, G.I. *Morfologiya russkogo yazyka: enciklopedicheskij slovar-spravochnik* [Morphology of the Russian Language: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Lenand, 2014, 448 p. (in Russ.)
29. *Slovar russkogo yazyka: v 4-h t. T. 4* [Dictionary of the Russian Language, vol. 4]. Moscow, Russkij yazyk, 1988, 800 p. (in Russ.)

30. *Slovar russkogo yazyka: v 4-h t. T. 2* [Dictionary of the Russian Language, vol. 4]. Moscow, Russkij yazyk, 1988, 736 p. (in Russ.)
 31. *Slovar russkogo yazyka: v 4-h t. T. 1* [Dictionary of the Russian Language, vol. 4]. Moscow, Russkij yazyk, 1999, 702 p. (in Russ.)
 32. Vasileva, A.N. *Chasticy razgovornoj rechi* [Particles of Colloquial Speech]. Moscow, Moskovskij universitet, 1964, 186 p. (in Russ.)
 33. *Slovar russkogo yazyka: v 4-h t. T. 4* [Dictionary of the Russian Language, vol. 4]. Moscow, Russkij yazyk, 1999, 800 p. (in Russ.)
-

Смирнов Олег Николаевич, ассистент, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, olezhek400@gmail.com

Oleg N. Smirnov, Assistant, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, olezhek400@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.11.2023. Принята к публикации 24.12.2023

The paper was submitted 10.11.2023. Accepted for publication 24.12.2023